

«К ПОЧЕСТИ ВЫШНЕГО ЗВАНИЯ» АКАДЕМИЯ РОССИЙСКАЯ И РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

«И помолился Константин, и Бог открыл ему, как перевести с греческого на славянский, и начал переводить: В начале было Слово, и Слово было от Бога, и Слово было Бог».

Это были первые слова первой славянской книги. Мы чтим равноапостольных Кирилла и Мефодия не только как создателей славянской азбуки и переводчиков Священного Писания, но и как первооснователей славянской филологии — создателей общего единого литературного языка славян.

Литературный и народный язык связаны между собой, но никогда не совпадают полностью. Народный язык имеет склонность к дроблению на диалекты, к филиации новых языков, — как русский выделил из себя исторически три: великорусский, белорусский, украинский. Литературный язык, задавая лингвистическую и культурологическую норму, всегда стремится к унификации, к утверждению единства.

Взаимодействие обеих языковых стихий привело со временем, в ходе бытования памятников старославянского языка в разных странах, к возникновению местных его вариантов: русский вариант старославянского, болгарский вариант, сербский. Наиболее глубоко сроднился он с русской душой и русским логосом: в течение всего Средневековья наши предки пользовались церковнославянским как своим литературным языком. Среди книжников ходили даже теории, будто именно русский (а не болгарский) стал когда-то для Кирилла и Мефодия основой для устройства книжного старославянского. Болгарский филолог Константин Костенчский (XV в.) писал, что святые братья для передачи особенностей и смысла греческих текстов, «выбрав тончайший и красивейший язык русский, ему в помощь придали черты болгарского, и сербского, и боснийского, и словенского, и чешского, и хорватского языков». И сербский ученый XVII в. Юрий Крижанич говорил: «Учинена ошибка, что этот наш язык, на котором мы книги пишем и богослужение совершаем, зовется словенским, в то время как по правде он должен был бы называться русским»¹.

Церковно-библейское происхождение языка Кирилла и Мефодия отнюдь не исключение — скорее, правило в языковой истории Европы. И не только Европы: литературные языки всех народов христианского мира восходят в основе к соответствующим первопереводам Св. Писания. «Гунны изучают Псалтырь, и холода Скифии пылают жаром веры», — восхищенно свидетельствуют древние писатели. Блаженный Иероним народно-латинским переводом Библии на тысячу лет вперед заложил фундамент культурного единства Западной Европы и самодостаточного универсума развивающейся европейской науки. Святой Месроп Маштоц, создав армянские письмена и армянский перевод Писания, дал потомкам надежные средства сохранить язык и тем самым нацию. Готский перевод Волчонка — епископа Ульфилы стоит у истоков формирования германских языков и книжности. Так же, как позже Лютер с немецкой национальной Библией станет отцом и символом современной протестантской Германии.

Так подвиг Кирилла и Мефодия определил на века облик и характер не только славянского и русского языка, но и духовности и культуры. Эволюционируя, гибко варьируя орфоэпию и орфографию, усиливая или чуть приглушая исконную грецизирующую экзотику и иные лексические примеси, умножая (или подсушивая) синтаксические степени свободы, перевод солунских братьев — от Великой Моравии, через киевскую Державу Рюриковичей и великое строительство Третьего Рима, дожил до наших дней как в церковнославянском («Елисаветинском»), так и русском (синодальном) вариантах. Подчеркну при этом, что не одними лишь библейскими и богослужебными текстами, при всем их несоизмеримом значении, обя-

¹ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. — М., 1988. С. 113, 123.

заны мы Церкви, но и разработкой средств и техники перевода, толкования, глоссирования, а затем и лексикографирования — короче, возникновением и развитием славянской и русской филологии. От древних «премудрых букварей», как называли филологов старшей поры (от *букы* — ‘книги’), тянется прочная связующая нить к Чудовскому Новому Завету, новому переводу, осуществленному и собственноручно переписанному Святителем Алексием Московским в сер. XIV в., к новгородскому библейскому своду архиепископа Геннадия (1499), к герменевтике Максима Грека, наследника афонских и флорентийских ученых традиций, к первопечатнику Ивану Федорову и редакторам Острожской Библии 1581 г., к русским Азбуковникам различных редакций XVI–XVII вв., наконец, к «Грамматике» Мелетия Смотрицкого 1648 г., стабилизировавшей, может быть, уже до конца времен церковнославянскую литературную норму. Вся эта грамматическая, лексикографическая, филологическая в широком смысле традиция закладывалась и развивалась молитвой, трудом и талантом представителей русской церковной иерархии, ученого монашества и приходского духовенства.

Сказанное справедливо и для всего XVII в., чрезвычайно важного в истории русского литературного языка. «Бунташным» называли это столетие современники и историки, периодом «языкового брожения» назовет его В.В.Виноградов². Начиная от «Лексиса» Лаврентия Зизания и «Лексикона» киево-печерского инока Памвы Берынды, через трагические (филологические в своей основе!) коллизии русского раскола, вызванные литургической и книжной реформой Никона, до Евфимия Чудовского и Сеньки Медведева, мы наблюдаем противостояние и борьбу различных тенденций в развитии языка — и в его историко-филологическом и философском осмыслении. Бурные трансформационные процессы в структуре общества и общественного сознания, исторические события, менявшие на глазах одного поколения лицо Восточной Европы и неизбежно корректировавшие русскую картину мира (воссоединение Украины с Россией, распространение в Москве киевской латинской учености и начавшаяся европеизация кремлевской элиты, обильное, если не обвальное, поступление новых источников как с Запада, так и с Востока), настоятельно требовали поиска и выбора новой национальной концепции — и, соответственно, типа национального языка и национальной культуры.

Неудивительно, что в ответ на социальный заказ и вызов истории в духовном и этнокультурном котле предпетровской и раннепетровской Москвы так круто — до рукоприкладства — заваривались полемика и конкуренция школ перевода, языка и мышления: «латинствующих» и «протестантствующих», ригористически традиционных (в старообрядчестве) и новаторски ретроградствующих (в «елинословенщине»).

Все это жило, кипело, любило и ненавидело, не подозревая, что «красные буквы на черной стене уж пишет рука роковая». И почти не заметило, как наступило уже время Петра Великого — революционной ломки и традиционного русского менталитета, и всего основанного на нем жизненного уклада — с безудержным — в том числе в языковой сфере — европейничаньем и радикальным, пусть неуклюжим, формотворчеством и терминотворчеством. На фоне взрывной социокультурной ситуации соперничавшие, бывало, православные (и не очень) литературные стили и подходы, как, пожалуй, и вся монашеская книжность, одинаково выглядели в глазах царя-реформатора безнадежным анахронизмом, делом заведомо реакционным и в лучшем случае бесполезным. Не так однозначно должны оценивать мы это сегодня. Реформы Петра, в той мере, как они отразились на состоянии словаря, языка и филологии, представляют собой, как, впрочем, и во многих других отношениях, своеобразный «вывих», вправлять и врачевать который призваны будут следующие поколения церковных и культурных деятелей. Царствование Екатерины Великой, одним из знаменательных событий которого стало создание Российской Академии и издание ею

² Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // В.В.Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. — М., 1978. С. 35.

Словаря (САР), было, как ни парадоксально может это кому-то показаться, временем не бездумного продолжения преобразований, но и «вправливания», исправления вывихов, полученных Россией от предшествовавшей когорты культуртрегеров и реформаторов.

Показательны в этом смысле как персональный состав, так и лексикологическая программа Российской Академии. Если даже общий характер возглавляемого княгиней Е.Р.Дашковой проекта в столь значительной степени определялся влиянием Православной Церкви, то непосредственные разработчики и сотрудники Словаря были и подавно воспитаны и сознательно старались работать в православной филологической традиции.

Позвольте, скажет читатель. С точки зрения кадровой, так сказать, политики, нельзя отрицать, что почти треть всех членов Российской Академии (19 из 78 человек состава Екатерининской эпохи) действительно дала Церковь. Но филологические установки? Да и возможны ли вообще «церковная наука» и «православная филология», в частности?

В общем культурологическом плане мы можем говорить о «православной науке», «православной истории», «православной филологии» с не меньшим правом, чем говорим об «античной геометрии» или «арабской алгебре». Более того, русские православные ученые со времен протоиерея Александра Горского считают *православность* лучшим критерием «объективно-истинного разума»³. Наиболее последовательно говорил об этом великий церковный историк конца XIX столетия В.В.Болотов⁴. «Конфессиональность убеждений, вера в истинность своей Церкви может вовсе не препятствовать ученому стремиться к истине, — пишет Болотов, — а кто задается целью быть совершенно объективным, тот становится на точку зрения, для него неестественную, и в сущности быть историком [решусь сказать, что и историком языка тоже. — Н.Л.] на точке зрения не своего вероисповедания — невозможно»⁵.

Таким образом, уже к концу XIX в. русской церковной мыслью в лице лучших ее представителей историзм был осознан сначала как органическая и неотъемлемая черта культуры христианской, а затем, внутри христианства, как наиболее органичное свойство культуры православной. Позже другой крупнейший методолог, Л.П.Карсавин, развивает в своей «Философии истории» еще более последовательную апологию «православной науки».

«Если для понимания истории [повторюсь: тем более истории языка. — Н.Л.] не безразлично, изучает ли ее индус, китаец или христианин, если не безразличны особенности исповеданий в пределах самого христианства, не может быть безразлично и то, изучает ли историю протестант, католик или православный: степень полноты и истинности в разных случаях неодинаковы. Никого не удивит, хотя многим еще покажется неубедительным, утверждение, что история должна быть религиозною. Но необходимо пойти далее: история должна быть православною [подчеркнуто мною. — Н.Л.]»⁶. Подчеркнутое долженствование аргументируется «неравноценностью исповеданий по степени близости к религиозной истине, что и сказывается в большей или меньшей их широте»⁷. Разумеется, в данных формулировках (1923 года) явно проступает характер времени — с его «революционным» максимализмом по обе стороны баррикад, но, как и во многих других случаях, духовная ситуация двадцатых годов явилась лишь «повивальной бабкой» для рождения концепций, давно зачатых русской исторической и философской мыслью.

³ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. — Варшава, 1928. Репринт: М., 1992. С. 52.

⁴ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Том I. — СПб., 1907. Репринт: М., 1994.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Карсавин Л.П. Философия истории. — Берлин, 1923. Репринт: СПб., 1993. С. 171.

⁷ Там же. С. 172. Подробнее вопрос о «близости к истине» рассмотрен мною в терминах почти соответствующего карсавинской «широте» евангельского понятия «меры» в работе: Лисовой Н.Н. Православие византийское, русское, вселенское // Москва, 1999. № 1.

МИТРОПОЛИТ ГАВРИИЛ (ПЕТРОВ)

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ В 1786 ГОДУ

Выведите любовь вашу из тесных ваших границ и распространите ко всем; примите чувство и возьмите сострадание бедности других; почитайте благополучие всякого в обществе благополучием своим и признайте, что несчастье и последнего в обществе должно почитать несчастьем всего общества; устремите силы ваши на такие изобретения, чтоб вкоренить во всех человеколюбие и благонравие... — так добродетель и вера останутся в покое, так процветет благополучие России.

Митрополит Гавриил¹

Итак, филологическая установка Российской Академии и концепция созданного ею Словаря «должна была быть» (по Болотову и Карсавину) и была православной. Теперь необходимо сказать, благодаря кому Словарь в этом своем качестве стал возможен и вообще состоялся. Прежде всего, благодаря Государыне Екатерине, с ее трезвым пониманием православной народно-менталитетной основы создаваемой Империи и ее культуры, и княгине Е.Р.Дашковой, чуткой и тактичной исполнительнице замыслов и намерений императрицы. Но затем, конечно, благодаря вдохновению и самоотверженному многолетнему труду ученых подвижников Русской Церкви.

Первым и важнейшим из них был, разумеется, первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Новгородский и С.-Петербургский Гавриил (Петров, 1730–1801). Избранный в число академиков на первом же заседании 21 октября 1783 г., он будет именоваться в последующих документах «первенствующим членом Академии». Человек разнообразных дарований, сын простого дьячка, прошедший путь от

¹ Портрет митрополита Гавриила взят из книги «47 литографических портретов членов Императорской Российской Академии». —СПб., 1911. Из речи Гавриила на открытии Комиссии по составлению нового Уложения 30 июля 1767 г. (цит. по: *Державина Е.И. Очерки о составителях Словаря Академии Российской // Новая книга России, 2001. № 10. С. 60*).

справщика Московского печатного двора до Первоиерарха Русской Церкви, Гавриил представляет собой характерную, хотя, может быть, и не вполне типичную, фигуру екатерининского царствования. Церковный сановник высшего ранга, почитаемый самой Императрицей и введенный ею в самые разные государственные комитеты и учреждения, в том числе в Комиссию по новому Уложению (Екатерина критично, но уважительно приняла в большинстве случаев его замечания по тексту «Наказа»), он сумел сохранить в условиях петербургского казенного «просвещенчества» и придворной, по положению, роскоши душу и образ жизни подлинного инока-подвижника².

О творческом наследии митрополита, а оно заключается, в основном, в произведениях церковного красноречия, поэт А.П.Сумароков, из тонких ценителей слова и стиля, писал: «Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих. Красота плавного и важного его склада приносит ему достойную имени его похвалу, и он будет всегда честью нашего века в потомстве». О литературных вкусах иерарха (и, еще в большей мере, о способности считаться со вкусами светских покровителей) можно судить по изданной под его редакцией образцовой хрестоматии церковных проповедей древних и современных авторов, в которой классики византийской омилии Иоанн Златоуст и Илья Минятей соседствуют с остроумными французами Бурдалу и Сореном³. Из современных российских «златоустов» Гавриил включил в сборник 37 проповедей митрополита Московского Платона (Левшина), 19 — Гедеона (Криновского) и только 8 своих.

Об уважении, которое питала к иерарху Екатерина Великая (а отчасти и об объединяющих их литературных и исторических пристрастиях), свидетельствует тот факт, что именно Гавриилу, тогда архиепископу Тверскому, посвящен знаменитый перевод книги Мармонтеля «Велисарий», выполненный самой Императрицей, совместно с группой ближайших ее соратников, во время путешествия по Волге в 1768 г.⁴ «Добродетели Ваши, — говорилось в Посвящении, — нам известны, а особливо кротость, смирение, умеренность, просвещенное набожество [набожность. — Н.Л.], которые в Вас обитают и которыми бы долженствовала украшаться душа каждого христианина. И мы уверены, что сочинение Вашему Преосвященству понравится, потому что вы мыслями, как и добродетелью, с Велизаром сходны»⁵.

При всей своей занятости, Гавриил не остался в Академии «свадебным генералом», но принял живейшее участие в ее судьбе и деятельности. Во-первых, по его рекомендации и благословию стали членами Российской Академии почти все другие выдающиеся представители русского духовенства, на плечи которых лег, как оказалось со временем, основной черновой труд по созданию Словаря. Во-вторых, общий план Словаря, принципы и правила его составления были разработаны при непосредственном его участии особым отделом, куда кроме него входили Д.И.Фонвизин, академики Лепехин, Румовский, Леонтьев. Участие Гавриила в рабочих обсуждениях САР также зафиксировано протоколами. К нему не раз обращались за решением конкретных вопросов: о славянской азбуке (18 ноября 1783 г.), о происхождении термина *воскресение* от славянского языческого термина *крес* (5 декабря 1791 г.), при толковании церковных терминов *лития* (6 марта 1792 г.) и *помазание* (5 августа 1794 г.). По его предложению глаголы *емлю* и *имаю* были объединены в Словаре в одном гнезде, причем вторая из форм рассматривалась как

² Титлинов Б.В. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и С.-Петербургский. — Пг., 1916; Архимандрит Феофан. Записки бывшего келейника Преосвященного Гавриила // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX вв. Ч. 1. — М., 1994. С. 199—223; Вопреки веку Просвещения. Жизнеописание и творение Высокопреосвященнейшего Гавриила (Петрова). — М., 2000.

³ Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни. Ч. 1—3. — СПб., 1775; изд. 2. — М., 1776.

⁴ Велизер. Сочинение г. Мармонтеля, члена Французской Академии, переведенное на Волге. — М., 1768.

⁵ Цит. по: Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. I. — СПб., 1874. С. 126.

производная от первой. В одном из заседаний 1787 г. Гавриил высказал требование, чтобы при объяснении лексем, означающих душевные качества и движения, не ограничиваться словами, имеющими примерно тот же смысл (не объяснять, к примеру, *страх* через *ужас* и наоборот), а давать точные дефиниции на основе «философских книг». Собрание 9 марта 1787 г. сочло предложение резонным и постановило сообщить его всем составителям САР⁶.

Поучительным поводом для проявления языкового чутья и профессиональной начитанности Гавриила стал казус со словом *свузы*. Лексема, включенная, было, составителями, с единственным библейским примером, в состав Словаря, вызвала при последующем редактировании своей полной невнятистью подлинный переполох среди академиков. Ни в латинской, ни в немецкой, ни во французской Библиях соответствующего эквивалента не обреталось. Определение, данное членом Академии протоиереем Петром Алексеевым (в его «Церковном Словаре»), не отвечало смыслу цитаты. Решили обратиться к митрополиту, который и прислал вскоре свой ответ:

«Пророка Иезекииля, в гл. XIII, ст. 11, напечатано: *дам камень стрельное в свузы их* (т.е. стен), *и падутся*. Святой Иероним в переводе тако пишет: *et dabo lapides magnos in juncturas eorum et cadent*. Слово *свузы* показывает погрешность или писца или типографа. Должно напечатать *в связи* или *в соузы*».

На основании этого отзыва издатели решили злополучные *свузы*, как слово испорченное, из Словаря исключить, а сравнение со старыми изданиями Библии подтвердило правоту Гавриила: там читалось *соузы*.

Современному филологу покажутся в приведенном рассказе удивительными две особенности. Во-первых, при самом уважительном внимании к библейским переводам: латинскому, немецкому, французскому — никому не приходит в голову вспомнить о греческом тексте — оригинале славянского. Даже сам Гавриил, человек бесспорной духовной культуры, считает достаточным опереться в своем отзыве на соответствующую цитату из Вульгаты, не пытаясь даже свериться с Септуагинтой. Тому две причины. Подавляющее засилье латинизма и упадок греческой образованности в русской духовной школе середины XVIII столетия, с одной стороны (Гавриила учили в семинарии, и сам он потом учил студентов исключительно по латинским учебникам и на латинском языке), — и, соответственно, полное отсутствие интереса к греческому в русском светском обществе. Апелляция к латыни и Вульгате была для ученых современников митрополита и доходчивее, и авторитетнее.

Во-вторых, представляется странным сам повод для недоразумения. Для нас сегодня (достаточно взглянуть в «Материалы» Срезневского) древнерусская форма *сѣвѣзѣ* 'связка' с эпентетическим *-в-* выглядит не менее естественной и закономерной, чем предложенные рецензентом *связь* или *соузь*. Но, рассматривая ситуацию исторически, зная, что ни у Гавриила, ни у составителей САР не было под рукой ни «Материалов» Срезневского, ни «Словаря русского языка XI—XVII вв.», а основы славянской исторической грамматики будут заложены в России А.Х. Востоковым лишь полустолетием позже, не будем удивляться, сколь «слабо» владели наши предшественники 200 лет назад современным лингвистическим инструментарием. Они попросту не видели еще, реально говоря, никаких древних рукописей; Остромирово Евангелие лежит еще, даже не просмотренное, среди уникумов Екатерины II (не сразу после смерти будет обнаружено в ее гардеробе). Но движение к исследованию древностей уже началось, и огромную роль в этом процессе сыграли именно Академия Российская и ее Словарь. Что же касается митрополита Гавриила, в извинение его, неуместного на нынешний вкус, латинизма, необходимо подчеркнуть, что именно ему принадлежит решающая роль в возвращении русского монашества и Русской Церкви к греческому святоотеческому наследию (см. ниже о «Добролюбии»).

⁶ Там же. С. 129.

В целом, говоря об уровне лингвистической подготовки митрополита Гавриила к моменту работы над Словарем, нельзя не согласиться с оценкой М.И.Сухомлинова: «Нет сомнения, что филологические понятия Гавриила не соответствуют требованиям современной лингвистики. Филологическое образование Гавриила восходит к середине XVIII столетия. [Автор имеет в виду, что тогда не существовало еще сравнительно-исторического языкознания, даже представление о соотношении русского и церковнославянского языков у большинства ученых были весьма туманны. — *Н.Л.*] В заметках его ясно видна мысль, что для верных выводов еще не добыто прочного материала, а пробиваться догадками — неблагоприятно. Гавриил, как можно заключить из совокупности фактов, заботился всего более о собирании и тщательной проверке материалов: делал выборки из книг образцовых писателей, вызывал других на эту же работу, вносил на обсуждение собрание слов не только книжных, но и народных. Представляя в Академию собрание малороссийских слов, он тем самым показывал, что признает за местными наречиями право участия в образовании литературного языка. [Словом], филологические понятия Гавриила находят достаточное объяснение в складе его ума и в тогдашнем состоянии науки о языке»⁷.

В ознаменование выдающихся заслуг митрополита в общей работе по подготовке Словаря ему была вручена большая золотая медаль Академии в торжественном заседании 25 ноября 1786 г.

Другим важнейшим культурологическим и филологическим проектом, к которому приложил руку Гавриил (Петров), является московское издание «Добротолюбия» 1793–1797 гг. Этот проект необходимо рассматривать в контексте известных усилий митрополита по благоустройству русских монастырей и возрождению иноческой жизни, испытавших серьезнейшие потрясения как со стороны еще петровского антимонашеского законодательства, так и секуляризации церковных имений при введении Екатериной II монастырских «штатов» в 1764 г. «Добротолюбие», которое современный исследователь называет «фундаментальной книгой европейской культуры», а русские подвижники сравнивали по значению с Библией, представляет собой энциклопедию православного духовного опыта IV–XIV вв. Основной корпус святоотеческих текстов, вошедших в книгу, был переведен с греческого знаменитым Паисием Величковским в период его пребывания на Афоне и в молдавских монастырях. После выхода в свет греческой «Филокалии» (Венеция, 1782) был поставлен вопрос об издании книги в России.

Позднейший источник, со ссылкой на предание, излагает эпизод следующим образом. «Ученик старца Афанасий доставил митрополиту и греческий подлинник, и старцев перевод сей книги, который, по назначению митрополита, сначала был рассматриваем знающими греческий язык учителями Александроневской академии [тогда еще семинарии. — *Н.Л.*], а потом отдан для пересмотра и исправления учителю греческого языка в Сергиевой Лавре [Троицкой семинарии. — *Н.Л.*] Я.Д.Никольскому, исправлен им в местах, трудных для разумения, и напечатан в Московской Синодальной типографии»⁸.

В другом месте того же Жития сюжет изложен с дополнительными подробностями. «И когда в 1791–1792 гг., по благословию митрополита Гавриила, сличаем был с греческим подлинником перевод сей книги, сделанный старцем Паисием, и встречавшиеся в оном трудные к разумению выражения и обороты нужно было заменять более ясными и общепонятными, тогда трудившиеся в сем деле обязаны были постоянно советоваться обо всем с духовными старцами: с игуменом Валаамского монастыря Назарием, с иеромонахом Феофаном, впоследствии архимандритом Новозерского монастыря, иеромонахом Филаретом и с принесшим сию книгу в Россию Афанасием. “Они, — говорил мудрый архипастырь [Гавриил. — *Н.Л.*] ученым переводчикам, — хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из

⁷ Там же. С. 134–135.

⁸ Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном. — М., 1991. С. 93–94.

опыта духовные истины, не постигаемые одним только книжным учением, и потому правильнее могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге»⁹.

Филологическая сторона вопроса состояла в радикальном редактировании собственного языка переводов Паисия. «Язык Паисия и его круга, — считает А.-Е.Н.Тахиаос, характеризуя письменный его язык, — это русско-славянский церковный язык XVII века»¹⁰. Но в ситуации славяно-греческого и славяно-латинского билингвизма церковных филологов типа Паисия и заведомой его диглоссии (разговорный русско-украинский — и книжный церковнославянский) неизбежны были языковая интерференция и наличие лексических примесей — из разговорного языка в книжный и обратно. Это и были главные факторы формирования языка Паисия и его переводов, именуемого в церковных переизданиях XIX столетия то «славянорусским», то «полуславянским» (в смысле приближения древней славянской лексики и нормы к русскому современному типу), то даже «древнеобразным», т.е. стилизованным под древний. Тахиаос в этом смысле напрасно считает «безупречным» письменный церковнославянский язык Паисия. Живые диалектизмы в его, например, «Автобиографии» могут быть в достаточном количестве указаны не только на орфографическом, но и на лексическом уровне.

В переводах Паисия, вошедших в «Добротолюбие», картина иная. Там задан гораздо более высокий уровень нормированности, обусловленный, видимо, во многом именно последующим дополнительным редактированием, осуществленным по указанию митрополита Гавриила.

Таким образом, мы можем считать, что митрополит во многом определил развитие русского литературного языка (в церковном его применении), как и взаимодействие церковно-русской и церковнославянской языковых стихий на весь последующий период XVIII–XIX вв.

Основной рабочей силой САР были, как мы сказали, рекомендованные в число академиков митрополитом Гавриилом менее титулованные духовные особы. Как обычно бывает, большинство знатных и известных лиц, которыми блистала Российская Академия, реально бывали в ней редко. Более половины присутствовавших на заседаниях составляли, как правило, духовные. Одиннадцать из их числа принадлежали к так называемому ученому монашеству (епископы и архимандриты), восемь — к белому духовенству. По образовательному цензу, десятеро окончили Московскую Академию, один — Киевскую, остальные получили богословское образование в духовных семинариях: С.-Петербургской (Александроневской), Костромской, Рязанской, Переяславской, Вятской и Вологодской. Двое (из воспитанников Славяно-греко-латинской академии) слушали потом также курсы в Московском университете.

Но был среди них один, кто окончил не Московский, а Геттингенский университет (единственный случай за всю историю русской иерархии). Это был епископ Дамаскин (Семенов-Руднев, 1737–1795), один из самых нестандартных представителей тогдашней Церкви. В период шестилетнего пребывания в Германии он, по собственному признанию, «у тамошних профессоров не только повторил те языки и науки, коим обучался в Славяно-греко-латинской академии, но еще сверх оных обучился немецкому и французскому, слушал толкование Ветхого Завета на еврейском, а Нового Завета на греческом языке, упражнялся в богословии [*богословия* была тогда женского рода. — *Н.Л.*], как догматической, так и нравоучительной, в церковной истории, в экспериментальной физике, в универсальной и европейской истории, в

⁹ Там же. С. 100. То же: Схимонах Иоанн Молдавский, собеседник старца Паисия Величковского, и другие ученики великого старца // *Никодим (Кононов)*. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Ноябрь. — М., 1910. С. 412–413.

¹⁰ *Tachiaos A.-E.N.* The revival of Byzantine mysticism among Slavs and Romanians in the XVIII-th century. — Fessalonik, 1986. P. 40–41.

статистике и в первых частях математики»¹¹. Избранный членом-корреспондентом Геттингенского исторического института, Дамаскин выступил в нем с докладом: «О следах славянского (=славянского) языка у писателей греческих и латинских».

По возвращении в Петербург специальная комиссия Св. Синода удостоила его звания профессора словесных наук и церковной истории и назначила жалование, впредь до вакансии при открытии богословского факультета в Московском университете. Этого, к слову, не произошло и до наших дней¹², так что Дамаскин поступил в число преподавателей своей alma mater — Славяно-греко-латинской академии и, по принятии монашества, сделался ее ректором. Потом был епископом, а умер на покое в Московском Покровском монастыре в декабре 1795 г. В анналах отечественной словесности он известен уникальным для того времени по точности и полноте изданием «Собрания сочинений» М.В. Ломоносова (Т. 1–3. М., 1778), где, среди прочих произведений ученого, было впервые напечатано знаменитое письмо «О правилах российского стихотворства». Главным трудом Дамаскина стал библиографический указатель «Библиотека Российская, по годам расположенная, от начала типографии в России по нынешние времена».

В члены Академии Дамаскин был избран во втором ее заседании, 28 октября 1783 г. Нельзя сказать, чтобы его деятельность оставила в трудах Академии серьезный след, кроме, пожалуй, участия в достопамятной академической дискуссии о существительном *память*. Автор представил по этому случаю характерное письменное мнение. «*Память*, — писал он, — не есть коренное (слово), но сложное из предлога *по* (или *после*) и глагола *мню*. А сей глагол есть тот самый, что и греческий $\text{Ο} \blacksquare \text{Ϟ} \blacklozenge$, и значит собственно того, сошметого 'помню, вспоминаю', которое значение удержано и в словенском сложном *помню*. Что же *мню* в словенском имеет значение другое (*мышлю, помышляю, думаю*), то сие произошло от разномысленного употребления сего глагола у греков и славян. Греки стали употреблять $\text{Ο} \blacksquare \text{Ϟ} \blacklozenge$ в смысле припамятования, а славяне — помышления, однако и они в глаголе *помню* (от коего и *память*) удержали значение греческое»¹³.

Академикам показалось тогда рискованным лобовое сближение русского слова с греческим, оппоненты напоминали, что славяне заимствовали от греков алфавит, но не язык, так что нет оснований производить славянские слова из греческих. Остановились в результате на мнении протоиерея Иоанна Красовского, близком, впрочем, к суждению Дамаскина¹⁴.

Членом Российской Академии со дня открытия состоял и архиепископ Псковский Иннокентий (Нечаев, 1722–1799), один из трех авторитетных иерархов, привлеченных в свое время Екатериной II (вместе с Гавриилом и Платоном Левшиним) к рассмотрению и обсуждению «Наказа». Хотя Иннокентий был, как пишет историк Российской Академии, «собственно говоря, почетным членом», он принимал тем не менее деятельное участие в Словаре (особенно в период работы над первой его частью), посещал собрания, сообщал письменные дополнения и замечания на листы, посылавшиеся ему для просмотра.

Меньше возможностей для непосредственного участия в работе имел, по удаленности кафедры, митрополит Киевский Самуил (Миславский, 1731–1796). Но зато Академия сполна оценила его щедрый дар в библиотеку: полный комплект книг, изданных в типографии Киево-Печерской лавры.

Архиепископ Екатеринославский Амвросий (Серебряков, по другим сведениям Серебренников, 1745–1792) — духовный писатель, составитель «Краткого руководства к оратории российской», перевод-

¹¹ Древняя российская вивлиофика. Ч. XVIII. — М., 1791. С. 101.

¹² Забелин А.И. Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы, 1873. № 11. С. 300–317.

¹³ Сухомлинов... С. 182–183.

¹⁴ «Ибо в греческом слово $\text{Ο} \blacksquare \text{Ϟ} \blacklozenge$ — *память* произведено от глагола $\text{Ο} \blacksquare \text{Ϟ} \blacklozenge$ — *помню*; в латинском *memoria* от глагола *memini*, а в немецком *Gedtmchtniss* от глагола *gedanken*» (Там же. С. 260–261).

чик Мильтона и друг Григория Потемкина, — занимался в Академии рассмотрением «собрания слов и речений на букву *В*, составленного студентами *Д.* и *П. Соколовыми*».

Гораздо более активным участником академических трудов был архимандрит Ново-Иерусалимского монастыря, впоследствии епископ Орловский Аполлос (Байбаков, 1737–1801). Ко времени избрания в Академию, в марте 1786 г., Аполлос уже был признанной фигурой в литературе и науке. Поэт, филолог, богослов, еще в пору профессорства в Славяно-греко-латинской академии он составил «Пиитику», выдержавшую в полвека более десяти изданий и служившую начальным пособием не только присяжным стихотворцам духовных семинарий, но и подлинным литературным авторитетам, таким, как И.И.Дмитриев¹⁵.

В подготовке САР его участие выразилось в рассмотрении корпуса лексем на букву *К*, который он и представил в Академию, отметив среди них «сомнительные и малоупотребительные». Он занимался определением и толкованием слов на буквы *Г* и *Е*. Предложенные Аполлосом правила о мягком и твердом *г* Академия не только приняла, но и признала необходимым поместить их в Словарь. Правда, за признанием, как иногда бывает, не последовало дела, очевидно, академики не были уверены, надо ли всегда «в церковных словах *г* произносить мягко, а в просторечии жестко, как латинское *g*», как настаивал архимандрит. Любопытно, что в подтверждение своего взгляда Аполлос прислал в Академию из Москвы неизвестные стихи М.В.Ломоносова с макароническим обыгрыванием «гэканья»:

«Бургисты берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят;
О грады, где торги, где мозгокружны браги
И деньги, и гостей, и годы их губят...
От вас совета жду. Я вам даю на волю:
Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю?*»

Не решив дилеммы с *г* фрикативным, издатели САР ограничились констатацией, что буква *г* «произносится в общеупотребительном языке двояким образом: иногда мягко, а иногда твердо».

Вскоре после избрания академиком, в одном из собраний в конце 1786 г., архимандрит Аполлос заявил, что принимает на себя «сочинение грамматики словенской и российской». На осуществление этого труда ушло 8 лет. Труд Аполлоса был издан в том же году, когда вышла последняя, шестая часть Словаря¹⁶. Главным источником церковнославянской части Грамматики был Мелетий Смотрицкий (Аполлос называет его, как часто тогда делали, «Грамматикой Максима Грека», потому что к московскому изданию 1648 г. был приложен ответ преподобного Максима «Вопросившему о грамматике, риторике и философии»). Другим пособием была так называемая «Новгородская грамматика» (Федора Максимова, изданная в 1723 г.)¹⁷. В области русской грамматики и грамматической терминологии подспорьем служили труды М.В.Ломоносова и А.А.Барсова.

Наиболее сложный вопрос связан со степенью зависимости Грамматики Аполлоса от рукописного трактата другого члена Академии, священника Иоанна Сидоровского. В официальной записке академического собрания 25 ноября 1786 г. об их соотношении сказано так: «Честнейший отец Иоанн Сидоровский

¹⁵ Иеромонах Аполлос (Байбаков). Правила пиитическия, о стихотворении российском и латинском. —М., 1774; изд. 11. —М., 1836; он же. Словарь пиитико-исторических примечаний. —М., 1781.

¹⁶ Епископ Аполлос (Байбаков). Грамматика, руководствующая к познанию славено-российского языка. —В типографии Киево-Печерской Лавры, 1794.

¹⁷ Сухомлинов... С. 221–222.

положил первые основания грамматики; в совершенство же привести оныя предприял его высокопреподобию архимандрит Аполлос»¹⁸.

...Странные явления происходят иногда в современной науке об истории русского языка и русских грамматик. Известный издатель «Первой русской грамматики» (В.Е.Адодурова) и компендиума А.А.Барсова не считает нужным в своих предисловиях и специальных исследованиях даже упомянуть о — хотя бы и «компилятивной», но все же весьма для своего времени показательной — грамматике Аполлоса¹⁹.

Участвовал в работе над составлением Словаря также архиепископ Ярославский Павел (Пономарев, 1745–1806), питомец Славяно-греко-латинской академии и Московского университета. До вступления в Академию Пономарев был известен как переводчик «Истории о Епаминонде, фивском полководце» французского писателя Серана де ла Тура (М., 1774) — любимой, к слову, книги Суворова, а также «Записок по церковной истории первых шести веков» Тиллемона, не пропущенных цензурой.

Членом Российской Академии избран в феврале 1784 г. Одной из важнейших проблем, над которыми размышляли тогда академики, была проблема ударения. В духе типичного для философии Просвещения редуционизма, хотели свести всю акцентную систему к единой формуле, математически определяющей место ударения в русском слове в зависимости от числа слогов. В протоколе академического заседания 6 июня 1784 г. читаем: «архимандрит Павел, принявший на себя труд в составлении правил ударения слов, возвратя первые четыре листа аналогической таблицы с надписанием количества слогов в каждом слове, объявил, что он несомненно надеется сим способом дойти до правил ударения слов, каковых по сие время языку российскому не доставало». Этой задаче академики придавали особое значение, прочили даже (в 1787 г.) исполнителю, в случае успеха предприятия, золотую медаль. Но «дойти» до универсальной формулы русского ударения ни Павлу Пономареву, ни кому другому так и не удалось.

Нередким посетителем академических собраний был архимандрит Иннокентий (Полянский), ректор Александро-Невской семинарии и катехизатор (преподаватель Закона Божия) в Пажеском корпусе, впоследствии (с июля 1788 г.) епископ Воронежский. Он занимался, наравне с другими, предварительным просмотром листов Словаря, рассматривал и рецензировал «собрание слов и речений на буквы В, И, І, К», участвовал в обсуждении «Правил правописания», представленных в Академию священником Василием Григорьевым²⁰.

Епископ Иннокентий известен как даровитый проповедник. Одно из его поучений, сказанных уже в Воронеже, напрямую касающееся нравственных проблем лингвистики (есть, право, и такие), звучит актуально и сегодня: «Что пользы детищу изучить многие языки, но ни на одном не уметь славить Бога, ни одним не уметь утешить несчастного, ни одним не уметь наставить заблуждающегося и поучить другого на добро? Языку благочестия, языку страха Божия и добродетели должны родители прежде всего обучать чад своих»²¹.

В последние годы екатерининского царствования избраны были в члены Российской Академии еще три архиерея.

¹⁸ Еще в январе того же 1786 г. И.И.Сидоровский представил в Академию «Две части сочиняемой им «Российской грамматики» («О производстве слов» и «О сочинении слов»), предварительное рассмотрение которых взял на себя первенствующий член Академии митрополит Гавриил» (Красовский А. Первый период истории Императорской Российской Академии. — СПб., 1849. С. 27).

¹⁹ Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. — М., 1975; он же. Предисловие // А.А.Барсов. Российская грамматика. — М., 1981; он же. Краткий очерк истории русского литературного языка. — М., 1994.

²⁰ Сухомлинов... С. 236–237.

²¹ Избранные поучения Преосвященного Иннокентия, бывшего епископа Воронежского. Собрал и издал Воронежской семинарии префект протоиерей Евфимий Болховитинов. — Воронеж, 1799.

Ириней (Клементьевский, 1751–1818), епископ Тверской, впоследствии архиепископ Псковский, был одним из одареннейших в филологическом отношении иерархов своего времени. «Его толкование библейских книг и переводы из Святых Отцов составляют украшение нашей богословской литературы». Избранный в Российскую Академию 24 сентября 1793 г., он принимал участие в подготовке 5-й и 6-й частей Словаря, «ревностно посещая собрания Академии, много помогая своими примечаниями, сообщая свои мнения»²². Это о нем, любимце Императора Павла, ходила впоследствии легенда (дожившая до наших дней²³), будто царь пожаловал ему для ношения на рясе генерал-адъютантский аксельбант. (За аксельбант не очень внимательные историки приняли характерные для портретов Преосвященного свиты жгутом завязки кавалерской мантии ордена Александра Невского.)

Архиепископ Мефодий (Смирнов, 1761–1815), избранный 10 августа 1794 г. (он был тогда настоятелем Московского Новоспасского монастыря и членом Св. Синода), также был видный богослов, знаток древних и новых языков, составитель грамматики и словаря «простого греческого» (т.е. новогреческого) языка.

Мефодий был избран, когда словопроизводный САР был уже закончен, и принимал участие лишь в обсуждении последующих трудов Академии: грамматики и Словаря алфавитного. При самом избрании ему предложено было войти «в отдел грамматический».

В первом же заседании, на котором присутствовал Мефодий, он высказал следующее, внесенное в протокол мнение: «В начертании о Словаре, по чину буквенному располагаемом, упомянуто было, чтобы сложные слова, в церковных книгах употребляемые и по свойству греческого языка составленные, буде не имеют равносильных [равнозначных. — Н.Л.] слов в других языках, оставлять без перевода, изъясняя тому причину в предположении, что перевод таких слов может родить какой-нибудь неприличествующий толк. На сие член Академии архимандрит Мефодий и другие предлагали: поелику все таковые слова, как например: *благосеннолиственный, вольнопитаемый, тайноводимый* и мн. др., составлены по свойству языка греческого, и им равносильные на сем языке выражения имеются, то для вящего совершенства предприемлемого труда бесполезно будет при таковых только словах употребить и язык греческий». Это, кажется, первый пример современной практики указания греческих соответствий при лексикографировании церковнославянских и древнерусских памятников.

Архиепископ Анастасий (Братановский-Романенко, 1761–1806) избран был, по предложению Е.Р.Дашковой, 29 апреля 1794 г. как блистательный представитель церковного красноречия в России. По мнению литературоведов и составителей популярных хрестоматий XIX в., слова его, включенные во все антологии, «слогом своим превосходнее всех ораторских произведений того времени» (Н.И.Греч), «выше даже проповедей Платона» (А.Галахов). Он присутствовал, правда, лишь на нескольких заседаниях, посвященных обсуждению замечаний на последние листы VI части САР...

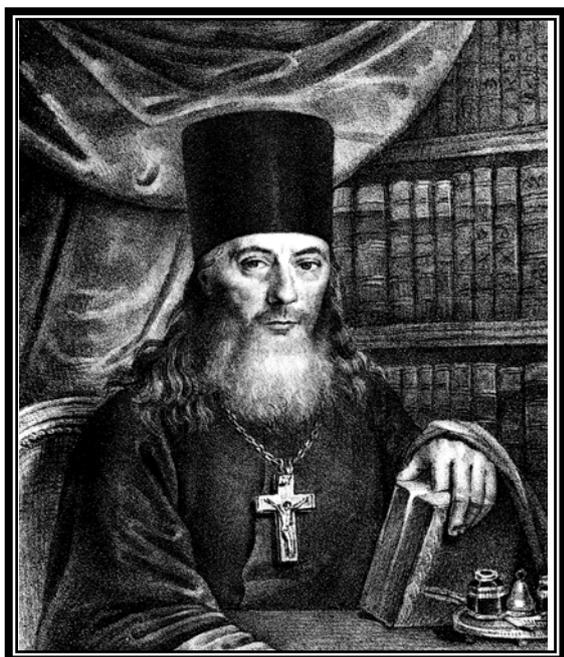
Рядовыми и наиболее усердными тружениками были представители белого духовенства. Уже в день открытия Академии, когда Елагин предложил составить словарь, в котором были бы изложены «все правила, до словесных наук принадлежащие», и просить митрополита Гавриила указать духовных лиц, способных справиться с этим заданием, Гавриил представил пятерых кандидатов, которые и были избраны без баллотировки — «по известному их в российском слове знанию». Это были протоиерей Красовский и священники Сидоровский, Покорский, Григорьев и Исаев.

²² Григорович Н.И. Ириней, архиепископ Псковский. Биографический очерк, по неизданным документам // Русский архив, 1869. № 7–8. С. 1103–1126.

²³ Карташев А.В. Очерки истории Русской Церкви. Т. 2. — М., 1990. С. 555–556.

ПРОТОИРЕЙ ИОАНН КРАСОВСКИЙ

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ В 1791 ГОДУ

Протоиерей Иоанн (Иван Иванович) Красовский²⁴ (1746–1811), сын протоиерея Успенского кафедрального собора в Костроме, по окончании тамошней семинарии преподавал в ней богословие, философию, риторику и греческий язык, пробовал себя в литургическом творчестве: написал церковную службу «на явление чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» — главной святыни Костромы. В 1783 г. переехал в Петербург — и поспел, как нельзя более кстати, к самому началу работ над Словарем Академии Российской.

Красовский участвовал во всех без исключения трудах Академии, был самым великим ее тружеником и активнейшим посетителем академических собраний (его имя зафиксировано в протоколах 290 заседаний — на втором месте стояла сама Е.Р.Дашкова, присутствовавшая в 263 собраниях). В «Новых ежемесячных сочинениях», периодическом органе Российской Академии,

отец Иоанн опубликовал множество статей и переводов — из Святых Отцов и церковных писателей (творения Исидора Пелусиота, блаженного Иеронима, «Апологию» Афиногора и др.).

В качестве материала для Словаря Красовский представил словник лексем на букву *Ж*, а также слова и примеры, извлеченные из Минеи праздничной и из Иоанна Дамаскина. Записки заседаний Российской Академии позволяют подробно проследить за ходом труда лексикографа. 9 сентября 1785 г. образован комитет для рассмотрения начатых о. Иоанном объяснений на слова, начинающиеся с буквы *Б*. 10 января 1786 г. отмечено, что автор, «ревностно продолжая свой труд», сообщил свои объяснения до слова *бисеръ* (вновь составлен комитет для их обсуждения). В октябре того же года Красовский представил начало словарного раздела на букву *В*. В ноябре 1788 г. этот раздел «приведен к окончанию и представлен в Академию».

²⁴ Портрет И.И.Красовского взят из книги «47 литографических портретов членов Императорской Российской Академии». —СПб., 1911.

Красовскому и его сотруднику И.И.Сидоровскому принадлежит основной труд по составлению САР. 5 октября 1784 г. Дашкова предложила, «не угодно ли будет собранию для лучшего успеха в составлении Словаря избрать несколько членов, которые занимались бы единственно приведением слов и речей в порядок, какой требуется по предписанию о Толковом Словаре начертания». Избраны для этой цели были, естественно, Красовский и Сидоровский, т.е. на них была возложена предварительная редакция всего словопроизводного Словаря, остальные члены Российской Академии делали лишь замечания и поправки на основании материалов, представленных двумя неутомимыми «Иван Ивановичами». Только благодаря этому «благовременнее могла Академия приступить к главному своему предмету — к сочинению Словаря с объяснением слов, речей, речений и разного образа вещей и с утверждением точного их знаменования (= значения) и употребления как в языке словенском, так и российском, рачительно наблюдая притом изыскание, с какого именно языка какое принято слово»²⁵.

Красовский составил также правила по употреблению *з* и *с* в предлогах *без-* и *воз-*, а по окончании работы над САР Академия возлагает на него (в соавторстве) разработку «грамматики общеупотребительного русского языка».

Признанием заслуг подвижника-протоиерея стало присуждение ему большой золотой медали — без баллотировки, «дабы, — как объявила Дашкова, — чрез то вящше произвесть впредь поощрение». Медаль вручена была отцу Иоанну 20 декабря 1791 г.

Священник Иоанн (Иван Иванович) Сидоровский (1748–1795) окончил, как и Красовский, Костромскую семинарию и преподавал в ней греческую и латинскую грамматику, пока крайняя нужда не заставила его уйти с преподавательской должности и занять место священника в селе Сидоровском (откуда и происходит его фамилия). Но, как писал отец Иоанн, «сельское для ученых житие по причине пашенной работы [сельским батюшкам в те времена приходилось самим заниматься хлебопашеством. — Н.Л.] не только не способно, но и, отнимая все почти время, немалый в успехе урон производит, не упоминая о невозможном по причине бедности стяжании тех средств, которыми наука совершаться может».

Талант Сидоровского не был, по евангельской притче, закопан в землю только благодаря вмешательству зоркого и всемогущего митрополита Гавриила. Несмотря на противодействие местного епархиального начальства, он настоял на переводе молодого ученого в Петербург и назначил его законоучителем в Смольный институт. С этого времени о. Иоанн активно занимался переводами с греческого, латинского и французского. Ему принадлежит первый перевод особо интересовавших Екатерину II «Законов» Платона (том 4-й собрания диалогов великого философа). Он первым перевел на русский беседы Иоанна Златоуста и хронику Георгия Кедрина (добавив, кстати, к последней массу собственных исторических примечаний).

В Академии Российской отец Иоанн принял на себя выборку слов из Цветной Триоди, словник на букву *О* и объяснение слов на другие буквы. Ему принадлежит первый по алфавиту опыт объяснения конкретной лексемы — в соответствии с общим планом, принятым Академией. Статья *ангелъ*, разработанная и прокомментированная им, была признана образцовой и послужила эталоном словарного толкования для всех других составителей. Представленная им в Академию рукопись труда по грамматике (две первых части: «о словопроизводстве», морфология, «о сочинении слов», синтаксис) была передана, после просмотра митрополитом Гавриилом, архимандриту Аполлосу, и, как полагал М.И.Сухомлинов, «многое в грамматике Аполлоса было заимствовано из рукописной грамматики Сидоровского»²⁶.

²⁵ Сухомлинов... С. 286.

²⁶ Там же. С. 274. См. также: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. —Л., 1988. С. 51.

И еще один питомец Костромской семинарии с пользой потрудился на благо Академии. Священник Георгий Михайлович Покорский (1740–1800), переселившийся в 1764 г. в Петербург и окончивший жизнь благочинным Исаакиевского собора, занимался выборкой для Словаря слов из творений Григория Богослова, собирал и толковал лексемы на букву *Д*, приводил их потом в стандартный порядок, выступал в дискуссиях, представлял особые письменные мнения.

Священник Василий Григорьевич Григорьев († 1800) окончил Александро-Невскую семинарию, был священником при церкви Академии наук, а потом при домово́й церкви Мраморного дворца. Активнейший, наряду с Красовским и Дашковой, участник академических дискуссий (отмечен как присутствующий в протоколах 247 собраний), о. Василий назван как деятельный сотрудник во всех шести частях Словаря. Он собирал слова, начинающиеся на букву *П*, занимался определением и толкованием лексем на букву *Е* со всеми их производными, делал выборку слов и примеров из Четьих-Миней. Даже в тех случаях, когда научные труды выполнялись Григорьевым в соавторстве с другими членами Академии, все знали, что основная часть работы неизменно падала на него. Так, составление «Правил правописания» было поручено ему и Г.М.Покорскому, но при представлении этого труда в Академию в качества автора назван один отец Василий.

Протоиерей Савва Исаевич Исаев († 1799) был, по окончании Александро-Невской семинарии, придворным священником, в 1795 г. произведен в протоиереи Московского Благовещенского собора и назначен духовником Императрицы. Для Словаря он собирал слова на букву *Н* (в том числе до сих пор вызывающие споры в смысле их «самостоятельного статуса» лексемы с отрицательной частицей *не*).

Протоиерей Василий Семенович Данков († 1826), избранный в члены Академии 10 января 1792 г., занимался выборкой слов и примеров из Пролога, участвовал в составлении всех, начиная с третьей, частей Словаря.

Протоиерей Иоанн (Иван Иванович) Панфилов († 1794) был преимущественно «почетным членом» — по должности, как духовник Императрицы Екатерины II и член Св. Синода. Виднейший представитель белого духовенства, много сделавший для повышения его статуса в государственной и общественной жизни, он был первым в истории немонашествующим священником, для кого Императрица добилась в 1786 г., несмотря на противодействие иерархии, награждения митрой.

Наконец, в числе духовных членов Российской Академии необходимо назвать протоиерея Петра Алексеевича Алексеева (1731–1801), московского уроженца, воспитанника Славяно-греко-латинской академии, автора знаменитого «Церковного Словаря»²⁷, который современный историк называет «энциклопедией гуманитарных наук того времени»²⁸. Живший постоянно в Москве (он был настоятелем Кремлевского Архангельского собора), Алексеев не мог участвовать в собраниях Академии, но принял на себя выборку слов из «Трудов» Вольного Российского Соборания и прислал составителям САР рукописное дополнение к своему «Церковному Словарю». Эта рукопись, как и сам словарь Алексеева, были, быть может, одним из самых ценных вкладов, сделанных кем-либо в работу Российской Академии. Сопоставление статей «Церковного Словаря» с соответствующими статьями САР показывают, насколько плодотворным оказалось сотрудничество Российской Академии с маститым московским протоиереем²⁹.

²⁷ Церковный Словарь, или истолкование речений словенских древних, тако ж иноязычных, без перевода положенных в Священном Писании и церковных книгах. Ч. 1–3. — М., 1773–1779; изд. 2. — СПб., 1794; изд. 3. — СПб., 1815–1818; изд. 4. — СПб., 1817–1819.

²⁸ Лихоткин Г.А. Алексеев Петр Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. — Л., 1988. С. 28.

²⁹ Сухомлинов... С. 341–343.

Прежде чем делать какие-либо заключения о месте Словаря Академии Российской в истории русской лексикографии и значении работы в нем лучших представителей Православной Церкви, вспомним, что вся история русской богословской мысли XVIII–XIX вв. — это, по идейной стороне, прежде всего борьба за Святых Отцов, за возвращение к живому наследию патристики, или, как говорил Святитель Иларион (Троицкий), «освободительная война в области богословия» — против западничества, схоластики и «Просвещения». По филологической стороне, — это острая конкуренция филологических и научно-эдиционных принципов, с равным напряжением проявлявшаяся как в библеистике (Елисаветинская Библия 1751 г., русская синодальная Библия 1876 г.), так и в догматике, патристике, канонике и гомилетике. В условиях углублявшейся секуляризации и противостоявшим ей попыткам «воцерковления» светской культуры, борьба за выработку национальной школы богословствования и церковной науки была в значительной степени борьбой за выбор языка.

Словарь Академии Российской, как и в целом деятельность Российской Академии, не может быть правильно оценена вне широкого контекста взаимодействия церковной и светской стихии во всей культуре бурного XVIII столетия, без учета изменений системы религиозно-психологических, социальных и культурологических ориентаций в русском обществе. Трезво оценивая языковую и культурную ситуацию, Церковь, благословляя Словарь и активно участвуя в его создании, сознательно ориентировала общество на современный русский язык, но воцерковленный, обогащенный многовековым наследием церковнославянской книжности.

Позицию и традицию Словаря, отличающиеся именно степенью воцерковленности от всех иных течений и тенденций славянского и русского светского языкознания нового времени, можно сопоставить, в лингвистике XX в., с точкой зрения крупнейшего фонолога и слависта Н.С.Трубецкого. «Современный русский литературный язык, — писал ученый в 1927 году, — получился в результате прививки старого культурного «садового растения» — церковнославянского языка — к «дичку» разговорного языка правящих классов Русского государства. Будучи модернизированной и обрусевшей формой церковнославянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературно-языковой традиции, ведущей свое начало от святых первоучителей славянских, т.е. от конца эпохи праславянского единства. Но, вглядываясь пристальнее в ту роль, которую играл церковнославянский язык в образовании русского литературного языка, мы замечаем одно любопытное обстоятельство: церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была с л а в я н с к о й, сколько потому, что была церковной»³⁰.

Эта оценка полностью применима и к удивительному, по плодотворности и единодушию сотрудничества светских и церковных ученых, феномену Российской Академии и к созданному ею Словарю.

Н.Н. Лисовой

³⁰ Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Н.С.Трубецкой. История. Культура. Язык. —М., 1995. С. 178, 207.